

**СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ
СЪЕЗД
ФРАНЦУЗСКИХ РЕВИЗИОНИСТОВ**

*Статья, опубликованная в газете
„Зери и популыт“,
орган ЦК Албанской партии труда,
от 21 февраля 1976 года*

Электронная версия брошюры
подготовлена сайтом
<http://www.enverhoxha.ru>

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ
СЪЕЗД
ФРАНЦУЗСКИХ РЕВИЗИОНИСТОВ

*Статья, опубликованная в газете
„Зери и популит“*

орган ЦК Албанской партии труда,

от 21 февраля 1976 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО „8 NËNTORI“

Тирана — 1976

Албанская партия труда уже давно предвидела, что ревизионистский курс XX съезда КПСС неизбежно должен был привести к полному социал-демократическому разложению партий, примкнувших к этому курсу. Она отметила также, что присоединение к хрущевской линии наступления на Сталина и на его марксистско-ленинские наставления, против „догматизма“ под предлогом творческого развития марксизма-ленинизма, должно было повлечь за собой полное отступление от ленинизма и скатывание в болото оппортунизма и антикоммунизма.

В нашей статье от 7 апреля 1964 года под заголовком „Современные ревизионисты на пути социал-демократического разложения и слияния с социал-демократией“ подчеркивалось, что, претворяя в жизнь оппортунистический курс, намеченный XX съездом, и рекомендуя его коммунистическим и рабочим партиям других стран, хрущевские ревизионисты „добиваются вырождения коммунистических партий в реформистские партии социал-демократического типа, укрепления влияния буржуазной идеологии и распространения реформистских иллюзий среди трудящихся масс, ослабления боевого революционного духа движения рабочего класса и отстранения его от единственно правильного пути борьбы против капиталистического строя угнетения и эксплуатации“. Касясь уступок, сделанных социал-демократам на XVII съезде Французской коммунистической партии, в вышеупомянутой статье непосредственно изобличался заговор французских ревизионистов, рассчитанный на ее социал-демократическое вырождение.

С тех пор прошло 12 лет. И вот на своем XXII

съезде, проходившем несколько дней тому назад, французские ревизионисты перешли на позиции открытой борьбы против революции и коммунизма.

На XXII съезде Французской коммунистической партии был санкционирован полный переход французских ревизионистов на крайние оппортунистические и антимарксистские позиции итальянских тольяттистов, которые уже давно завоевали себе дурную славу предтечей связей и слияния с социал-демократией и открытого поступления на службу буржуазии.

Коренным вопросом, на котором особо остановился в своем длинном докладе генеральный секретарь французской ревизионистской партии, Жорж Марше, это был вопрос о диктатуре пролетариата. Он всячески попытался обосновать изъятие из партийных документов этого основного принципа марксизма-ленинизма. Он заявил, что диктатура пролетариата не фигурирует в проекте документа, представленного съезду, ибо „она не соответствует действительности нашей политики, действительности того, что мы предлагаем стране“. На его взгляд, власть, которая осуществит, дескать, социалистические преобразования в обществе, не будет диктатурой пролетариата, а „властью рабочего класса и других категорий трудящихся — тружеников физического и умственного труда, города и деревни, т.е. подавляющего большинства народа“.

Ополчаясь столь открыто против диктатуры пролетариата, Марше объявляет ее догмой, преодоленной жизнью, ненужной, неприменимой и неосуществимой в нынешних условиях Франции, да и вообще в нашу эпоху. Охваченный своим

чрезмерным рвением услужить буржуазии, Марше ставит себя тем самым в один ряд с худшими ренегатами дела рабочего класса, начиная от Бернштейна и Каутского вплоть до Браудера, Тито, Хрущева и К°. Его теоретизирование, которое он старается выдать за творческое применение и развитие марксизма-ленинизма, является ничем иным, как банальным списыванием уже давно разоблаченных и отвергнутых марксизмом-ленинизмом и всемирной революционной практикой оппортунистических тезисов.

Марше утверждает, что свое отклонение от принципа диктатуры пролетариата он основывает, дескать, на научном социализме Маркса, Энгельса и Ленина, желая дать понять тем самым, что они якобы рассматривали диктатуру пролетариата не как основной принцип, а всего лишь как недолговременную необходимость для отдельных стран и в отдельных условиях. Однако, с помощью подобных уверток Марше не скрыть свою измену бессмертному учению Маркса и Ленина. Не случайно в своем пространном выступлении он ни разу не ссылается по этому вопросу на Маркса, Энгельса или Ленина. А это потому, что Маркс подчеркивал, „что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата“, что государство переходного от капитализма к коммунизму периода „не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата“. В то же время В.И. Ленин считал диктатуру пролетариата самым главным в марксистской теории и решительно подчеркивал, что „марксистом является лишь тот, кто признание классовой борьбы доводит до признания диктатуры пролетариата“. Отказ от диктатуры пролета-

риата Ленин рассматривал как измену и идиотство. Он писал: „Либо диктатура (т.е. железная власть) помещиков и капиталистов, либо диктатура рабочего класса.

Середины нет. О середине мечтают попусту барчата, интеллигентки, господчики, плохо учившиеся по плохим книжкам. Нигде в мире середины нет и быть не может. Либо диктатура буржуазии ... либо диктатура пролетариата. Кто не научился этому из истории ... — безнадежный идиот“.

Отречение от марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата не могло не привести Марше, как и привело его, к отречению от всех основных принципов научного социализма и прежде всего к отречению от насильственной революции и классовой борьбы, как абсолютного закона и единственного пути для низвержения капитализма и осуществления социалистического преобразования общества.

Пролетарскую революцию Марше заменяет так называемым „демократическим путем“. Он утверждает: „Нет лучшего и более короткого пути к социализму, чем путь демократии ... Демократия и свобода являются ныне главным поприщем классовой борьбы, революционной борьбы“.

Согласно Марше, следуя этому пути, будут якобы осуществлены реформы, призванные произвести глубокие преобразования в экономической, социальной и политической структуре страны и эти реформы, якобы, ограничат гегемонию крупного капитала и эксплуатацию трудящихся, тогда как последним они обеспечат возможность оказывать серьезное воздействие на управление страной. Это французская ревизионистская раз-

новидность проповедей итальянских ревизионистов, согласно которым к социализму, дескать, можно перейти посредством „структурных реформ“ в рамках соблюдения буржуазной конституции, через парламентскую игру и т.д., без необходимости ломки буржуазной государственной машины вместе со всеми ее учреждениями.

И как будут совершены все эти чудеса? Если верить Марше, для достижения всего этого нет надобности ни в насильственной революции, ни в классовой борьбе, ни в диктатуре пролетариата; достаточно лишь обеспечить объединение подавляющего большинства народа и при помощи всеобщего голосования, заставить крупную буржуазию уважать волю народа. „В борьбе за социализм, — заявляет Марше, — ничто, абсолютно ничто не в состоянии заменить в нашу эпоху и в такой стране, как наша, народную волю большинства, демократически выражаемую через борьбу и всеобщее голосование. Какими бы то ни были формы, через которые будет осуществлено в нашей стране продвижение вперед к социализму... мы должны быть уверены, что на любом этапе политическое и арифметическое большинство должны совпадать“.

Читая то, что говорит Марше, человеку действительно кажется будто он слышит слова Бернштейна, Каутского и К°. „Мы, — утверждал Бернштейн, — в состоянии сегодня с помощью голосования, демонстраций и других таких средств воздействия осуществить такие реформы, для которых сто лет назад нужны были кровопролитные революции“. Со своей стороны, Каутский тоже стремился доказать, что в условиях буржуазной демократии насильственная революция

становится лишней, что цель политической борьбы социал-демократов заключается „во взятии государственной власти путем завоевания большинства в парламенте и превращения парламента в повелителя правительства“.

Этим ренегатам, начиная от Бернштейна и вплоть до Марше, Ленин дал отпор уже давно. „Господа оппортунисты, в том числе и каутскианцы, — писал он, — „учат“ народ, в издевку над учением Маркса: „пролетариат должен сначала завоевать большинство посредством всеобщего избирательного права, потом получить на основании такого голосования большинства, государственную власть и затем уже, на этой основе „последовательной“ (иные говорят „чистой“) демократии, организовать социализм.

А мы говорим на основании учения Маркса и опыта русской революции:

Пролетариат должен сначала низвергнуть буржуазию и обеспечить себе государственную власть, а потом эту государственную власть, т.е. диктатуру пролетариата, использовать как орудие своего класса, в целях приобретения сочувствия большинства трудящихся“.

Как все ренегаты, так и Марше старается скрыть свою измену марксизму-ленинизму, ссылаясь на новые условия, на перемены, происшедшие в развитии общества. На его взгляд, реформистский, парламентский и „демократический“ путь оправдывает себя, якобы потому что „в конечном счете реакция и фашизм отступают, а демократия шагает вперед“.

Но спекуляции Марше на новых условиях не выдерживают критики перед лицом истории и фактов. Перемены, конечно, произошли и про-

исходят и в развитии капиталистического общества, однако они не изменили его эксплуататорскую и угнетательскую сущность. Более того, каждодневные факты показывают, что тенденция этого развития выражается не в росте свободы и демократии, а в дальнейшем их ущемлении. Многочисленные факты свидетельствуют о нарастании империалистической реакции во всех областях, о небывалом раздувании бюрократического, военного и полицейского аппаратов буржуазного государства, о широком использовании вооруженных фашистских путчей и о росте фашистской угрозы. Утверждать в таких условиях, что насильственная революция и диктатура пролетариата отжили свой век, как это делает Марше, и распространять иллюзии о том, что буржуазия и реакция по-мирному откажутся от своего господства и повинуются „демократическому большинству“, не нуждаясь в применении диктатуры пролетариата по отношению к ним, это значит открыто перейти на сторону буржуазии и реакции против рабочего класса и трудового народа.

Марше открыто выступает против революционного насилия и утверждает, что любая идея о замене „политической воли большинства народа орудиями подавления“ — это опасная иллюзия и провокация, которые играют на руку реакции и ведут революционное движение к изоляции и поражению. Этот свой контрреволюционный тезис он старается подкрепить уроками, извлекаемыми, мол, из событий в Чили, и преподнести его как свою находку для предотвращения повторения того, что произошло там. По Марше выходит, что в нынешних условиях

революция чревата опасностью восстановления фашизма. Но что показали события в Чили? Они ясно говорят о провале мирного пути, проповедуемого ревизионистами, о провале реформистских иллюзий; они показали, что без противопоставления силам реакции вооруженной силы революции, без уничтожения до основания буржуазной государственной машины и без установления диктатуры пролетариата, без руководства марксистско-ленинской пролетарской партии, революция обречена на провал.

Ревизионисты до смерти испугались и полностью капитулировали перед крахом, который они потерпели в Чили, погрязнув еще глубже в болоте оппортунизма. В результате появились новые стратегические приемы ревизионистов такие, как, например, стратегия Берлингуэра в Италии об „историческом компромиссе“ с демо-христианами; стратегия Каррильо в Испании об объединении с легитимистами; стратегия Куньяла в Португалии о революции через армию или же стратегия Марше об объединении французского народа и т.д. Тем самым они стремятся отвлечь рабочий класс от революции, припугивая его чучелом фашизма и заверить буржуазию в том, что никакая опасность не грозит ей со стороны ревизионистов, которые являются ее лучшими поручителями и защитниками.

Фашистский переворот в Чили показал, что Альенде и его люди были социал-демократами. Когда они пришли к власти и попытались предпринять какие-либо шаги в направлении демократических преобразований, то фашизм снес им головы. Перед лицом этих событий ревизионист Марше, — этот мещанин, — предпочитает

лучше остаться рабом буржуазии, чем встать на путь революции, единственный путь, который может предупредить фашизм.

Марше, как типичный представитель буржуазно-либерального ревизионизма, мечтающего о мире между классами, до того дошел, что потребовал на съезде запрещения приветствия сжатым кулаком, и заявил, что французская ревизионистская партия „является не партией поднятого вверх кулака, а партией протянутой руки“.

Своими выпадами на диктатуру пролетариата Марше превосходит все рекорды ренегатов рабочего класса и открыто переходит в лагерь самой разнузданной антикоммунистической пропаганды. С величайшим бесстыдством он заявляет, что диктатура пролетариата „сама собой напоминает о фашистских режимах Гитлера, Муссолини, Салазара и Франко“.

Представлять диктатуру пролетариата как отрицание демократии, как это делает Марше, это значит прибегать к самому избитому и дискредитированному себя приему буржуазной пропаганды против социализма. Для кого Марше требует демократии? Демократии и свободы для эксплуататоров, для фашистов, для буржуазии? Пролетариат во всеуслышание заявил, что при социализме для врагов и эксплуататоров существует не демократия, а подавление. Свобода при социализме существует только для народа. Диктатура пролетариата, как подчеркивал Ленин, является самой широкой и самой полной демократией для трудящихся.

Как раз насчет подавления буржуазии и реакционеров Марше не согласен. В его социализ-

ме есть место не только для мелкого и среднего капитала, но даже и для свободной политической организации реакционных антипролетарских сил. „Чтобы обеспечить победу социализма, — говорит он, — дело не в том, чтобы лишить свободы меньшинство, составленное из реакционных сил... Итак, реакционеры могут значит организовать в реакционную партию? Они уже делают это и в настоящее время; это будет не новость“.

Все „доводы“, приводимые Марше для того, чтобы оправдать так называемый проповедуемый ими социализм, в сущности имеют своей целью заверить буржуазию в том, что это будет не пролетарский и антибуржуазный социализм, а социализм „с французскими красками“. То, чего не достает этим краскам, — это лишь революция, низвержение буржуазии, ломка буржуазной государственной машины, диктатура пролетариата, подавление эксплуататоров, ликвидация частно-капиталистической собственности, пролетарская партия и ее безраздельное руководство, пролетарский централизм. Но если остаются нетронутыми капиталистическая собственность и буржуазные реакционные партии, тогда что же это за социализм?

Этот „социализм á la Марше“, приобретенный в обществе потребления, ничего общего не имеет с подлинным социализмом, который строится на основании принципов марксизма-ленинизма. Социалистическое общество, проповедуемое Марше, — это ничто иное, как нынешнее капиталистическое общество, в котором рабочая аристократия, а вместе с ней и лидеры французской коммунистической партии и все

ревизионисты, следующие за ними, стремятся управлять делами буржуазии, сотрудничать с нею и делить с нею прибавочную стоимость, как это делали и делают в ряде стран социал-демократы.

Отказ от принципа диктатуры пролетариата связан с отрицанием руководящей роли рабочего класса в борьбе за низвержение капитализма, и в социалистическом обществе. И по этому вопросу Марше открыто обнаруживает свой антимарксистский облик. Он ополчается против самого понятия „пролетариата“, которому противопоставляет понятие „рабочий класс“, куда, открыто извращая марксизм, он относит и широкие непролетарские прослойки, какими являются интеллигенция и вообще все платные работники, т.е. все служащие и чиновники буржуазного государственного аппарата и капиталистического производства, профсоюзная бюрократия и т.д. В сущности, мы имеем здесь дело с изощренной разновидностью известных буржуазных теорий о депролетаризации капиталистического общества и замены руководящей роли рабочего класса ролью непролетарских классов и прослоек. Итак, руководство французской ревизионистской партии подхватило избитые ультра-оппортунистические тезисы Р. Гароди, которого она в свое время исключила из партии и заклеила как отъявленного ревизиониста, каким он и был в действительности.

Марше также открыто выступает против классовой пролетарской сущности партии. Двери его партии, задача которой состоит не в революции, не в низвержении буржуазии и установлении диктатуры пролетариата, а в управ-

лении делами буржуазии, распахнуты для приверженцев любой непролетарской идеологии и любого непролетарского мировоззрения — буржуазного, мелкобуржуазного, идеалистического и даже религиозного. Марше говорит, что и христиане, „не отказываясь от своей веры и религиозной практики“, могут быть приняты в ряды его партии.

Таков в общих чертах антимарксистский путь, который Марше, этот мелкобуржуазный зазнайка и теоретик-шарлатан, этот глашатай буржуазии в рабочем движении проповедует с трибуны XXII съезда французской ревизионистской партии. Он старается „теоретически“ обосновать измену ревизионистов марксизму-ленинизму и делу пролетариата, которую они уже давно совершили на практике.

Хотя Марше выдает себя за сторонника плюрализма, хотя он говорит о некотором „французском пути к социализму“, в то же время этот путь, который как небо от земли далек от принципов марксизма-ленинизма, он хочет навязать всем странам и народам, представляя его как единственно возможный путь перехода к социализму не только во Франции, но и вообще в нашу эпоху.

XXII съезд знаменует полное и окончательное вырождение французской ревизионистской партии в партию социал-демократического типа, ее открытый и официальный переход в лагерь буржуазии. Этот съезд наглядно свидетельствует о том, что французские ревизионисты открыто и полностью предали те революционные идеалы, которые еще в 1920 году, на Турском съезде, привели к размежеванию коммунистов от Соци-

алистической партии и к основанию Французской коммунистической партии, как партии французского пролетариата. Теперь ничто, абсолютно ничто не отличает ревизионистскую коммунистическую партию Марше от „буржуазной рабочей партии“ Леона Блюма и Ги Молле, а также от социалистических или же социал-демократических партий других стран, всем известных как верных сторожевых псов капитализма и буржуазного господства.

Это большое предательство французских ревизионистов в отношении революции и социализма, этот их полный переход на позиции социал-демократии является прямым следствием измены и контрреволюционного курса советского хрущевского руководства. Не трудно заметить, что в основе нынешних теоретизаций Марше и всего этого явно антимарксистского курса, принятого съездом французских ревизионистов, лежат как раз пресловутые тезисы хрущевских ревизионистских изменников о так называемом „мирном, демократическом и парламентском пути к социализму“, о „государстве и партии всего народа“, о сближении и сотрудничестве с социал-демократией, их тезисы о борьбе с „догматизмом“ и Сталиным, за которыми для них стоит марксизм-ленинизм, и т.д.

Тем не менее, советские ревизионисты делают вид будто удивляются тому, что их ученики и последователи зашли так далеко. В действительности же советские руководители вовсе не беспокоятся о принципах, о судьбах революции и социализма.

Советских ревизионистских заправил беспокоит нечто другое. XXII съезд французской ре-

визионистской партии показывает, что ревизионистские партии в разных капиталистических странах, с каждым днем все более открыто поступая на службу местной буржуазии, проявляют тенденцию отколоться от Москвы, доходя до того, что, стремясь доказать своей буржуазии этот откол, делают кое-какие критические замечания в адрес советского руководства и выступают в защиту правых диссидентов в Советском Союзе, как это сделал и сам Марше. Эти центробежные тенденции противоречат экспансионистским интересам и стремлениям советского социал-империализма, который старается удержать под своим контролем ревизионистские партии других стран, чтобы использовать их как опорные пункты и орудие своей политики, направленной на установление своего мирового господства.

Французские ревизионисты, как и итальянские тольяттисты еще до них, открыто выбросили за борт марксизм-ленинизм и подхватили рванное знамя социал-демократии и измены интересам пролетариата. Но французский рабочий класс, имеющий выдающиеся революционные традиции, несомненно не согласится с этим предательским курсом. Наоборот, он будет следовать по пути, который указывает ему марксизм-ленинизм, вплоть до достижения неизбежной победы социализма. Надлежит французским революционерам марксистам-ленинцам, французскому рабочему классу и принадлежащей ему передовой, действительно марксистско-ленинской партии, беспощадно разоблачая ревизионистское предательство, высоко поднять и непоколебимо понести вперед красное знамя революции и диктатуры пролетариата, знамя марксизма-ленинизма.

